

РАБОТЫ ЯЗЫКОВЕДОВ УРАЛА И СИБИРИ ПО ПАЛЕОСЛАВИСТИКЕ (1990 – 2000-е годы)

Этот обзор не претендует на полноту и систематичность. Во-первых, любой обзор так или иначе отражает круг интересов, пристрастий, компетенции его автора, и выйти за пределы этого круга довольно трудно. Во-вторых, последние годы характеризуются у нас заметным ухудшением всякого рода справочно-библиографической работы: если раньше информация о провинциальных изданиях плохо доходила до Москвы, то теперь и информация о московских изданиях почти так же плохо доходит до провинции. Вполне возможно, что какие-то работы, в том числе, быть может, и вполне достойные внимания, остались мне попросту неизвестны. Думается, однако, что в таких условиях даже и заведомо неполные обзоры становятся особенно нужными.

Несмотря на всем известные тяжелые обстоятельства, в которых оказалась в 1990 – 2000-х годах вся отечественная наука, а тем более такая далекая от коммерческих эффектов, как палеославистика, работы по истории славянских языков продолжают появляться, и работы значительные, причем как учебно-методического, так и чисто теоретического характера.

Активно работает в области истории русского и церковнославянского языка новосибирский проф. Л.Г. Панин. Его «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII веков» [Панин 1991] содержит ценнейший лексический материал, используемый сегодня как историками русского языка, так и специалистами по русской исторической диалектологии Сибири. Диалектный словарь, составленный по письменным источникам, – нечастое явление в нашей лексикографии, и книга Л.Г. Панина остается единственной в своем роде среди исследований по истории сибирских говоров русского языка периода их становления. Заслуживают внимания и усилия этого автора по изданию древнерусских текстов¹.

Плодотворное совмещение диалектологических и историко-лингвистических аспектов характерно и для работ проф. Алтайского университета Л.И. Шелеповой (Барнаул). В своей монографии [Шелепова 1994] и затем в докторской диссертации исследовательница, продолжая и развивая лучшие традиции томской диалектологической школы, представила первый значительный опыт целенаправленного и систематического анализа той роли, которую способны играть в этимологических исследованиях диалектные источники различных типов: фонетические, словообразовательные, лексические архаизмы, параллельные дериваты в говорах и т. п.

Из трудов исследовательского плана хотелось бы еще отметить докторские диссертации Ю.А. Бурмистровича из Хакасии по праславянской фонологии (защищена в 2001 г. в Воронежском университете) и В.А. Баранова из Удмуртии по исторической морфологии русского языка (защищена в 2003 г. в Казанском университете).

Диссертации Ю.Я. Бурмистровича предшествовал выход монографии под довольно длинным, но зато предельно полно отражающим существо рассмотренных проблем заглавием [Бурмистрович 2001].

Историческая фонология (или фонемология, в терминах Ю.Я. Бурмистровича) славянской языковой группы обогатилась во второй половине XX в. такими мощными теоретическими построения-

¹ Большую публикаторскую работу ведут в Новосибирске историки во главе с Н.Н. Покровским, но их публикации, к сожалению, осуществляются по таким правилам, которые делают их малопригодными для лингвистических исследований – по крайней мере в фонетическом и орфографическом аспектах.

ми, как концепции В.К. Журавлева, С.Б. Бернштейна, В.В. Колесова, В.М. Маркова и ряда других ученых. Работа Ю.Я. Бурмистровича развивает преимущественно концепцию В.К. Журавлева: в центре внимания здесь находится понятие группового сингармонизма и роль этого явления в славянской языковой истории. Исследователь развивает гипотезу о том, что групповой сингармонизм сыграл большую роль не только в истории консонантизма и вокализма славянских языков, но и послужил толчком к появлению и росту тенденции к открытости слога. Известно, что именно эта последняя тенденция определила развитие славянской фонетической системы, начиная с позднего праславянского языка и до первых веков после распада общеславянского языкового единства, однако конкретно-исторического объяснения ее истоков до сих пор не дано. Ю.Я. Бурмистрович считает, что таким истоком послужила тенденция к слоговому сингармонизму, зародившаяся еще в ранний праславянский период и впервые отчетливо проявившаяся в первой палатализации (палатации, в терминологии Ю.Я. Бурмистровича) заднеязычных согласных. Автор видит первоначальный стимул к открытию слога в том, что при наличии в составе дифтонга переднего и непереднего гласного (как это имело место в дифтонгах *o:i* и *oi*, *a:i* и *ai*, *e:u* и *eu*) нарушался принцип слогового сингармонизма, согласно которому слог должен быть либо целиком диезным, либо целиком недиезным. При этом под диезностью применительно к гласным понимается передний ряд, а применительно к согласным – как мягкость (палатация, по терминологии, принятой автором), так и полумягкость (именуемая соответственно палатализацией). Звук *j*, который принято называть палатальным в более распространенной терминологии, Ю.Я. Бурмистрович называет абсолютно палатальным и также включает в число несущих признак диезности.

Вообще говоря, идея Ю.Я. Бурмистровича далеко не беспорна. Нет каких-либо веских доказательств того, что монофтонгизация дифтонгов началась именно с дифтонгов, включающих разные по признаку ряда гласные. Кроме того, сама тенденция к групповому сингармонизму требует объяснения, а главное – тенденция эта, начав проявляться раньше, чем тенденция к открытости слога, тем не менее ни в одном славянском наречии так и не дошла до степени закона, как это было в случае с открытием слога. Напротив, групповой сингармонизм в истории славянских языков нередко делал «шаг вперед, два шага назад», да и сегодня, не прекратив своих проявлений, оказывается столь же непоследовательным и непостоянным. При всем том стремление увязать в единую систему основные тенденции, определявшие развитие праславянской фонологической системы, заслуживает самого пристального внимания и стимулирует дальнейшие усилия исследователей в этом направлении.

Монография В.А. Баранова (2003) и одноименная диссертация посвящены истории формирования прилагательного как части речи и определительных наречий в русском языке, однако по содержанию фактически шире, поскольку содержат также и многочисленные факты из истории старославянского и других славянских языков.

История определительных категорий вообще и имени прилагательного в особенности – одна из труднейших проблем славистики, да и вообще индоевропеистики. С одной стороны, уже в позднем индоевропейском реконструируются некоторые особенности, свидетельствующие о тенденции к формированию прилагательного как особой части речи. С другой стороны, в древнерусском, старославянском и других древних языках границы этих категорий чрезвычайно зыбки. В.А. Баранов показывает, что в древнерусском языке, как и в других древних языках славян, существовало еще не прилагательное в современном виде, а существенно иная категория. В нерасчлененной именной системе первоначально, на древнейшем этапе ее размежевания, существительному противопоставлялось не прилагательное в современном смысле этого термина, а лексико-грамматическая синкрета, совмещавшая субстантивные и атрибутивные признаки. Автор на большом фактическом материале детально прослеживает эволюцию этой синкреты, ее превращение в собственно прилагательное. Свежесть подхода к проблеме, обилие фактического материала – все это делает исследование очень заметным событием в славистике, да и в общей теории грамматики.

Нельзя не указать еще на одно достижение данного автора: недавно Удмуртский университет совместно с Российской национальной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина издал один из древнейших и интереснейших памятников русской письменности – Путятину mineю [Новгородская служебная mineя на май 2003]. Издание подготовлено В.А. Барановым совместно с казанским проф. В.М. Марковым, известным исследователем этого памятника. Текст mineи воспроизведен набором, но с сохранением всех графических особенностей оригинала (благодаря разработанным в руководимой В.А. Барановым лаборатории шрифтам для компьютерного набора). Затем текст приводится в преобразованном виде (модернизированном для удобства современного читателя). Кроме того, в издании помещены исследовательские статьи В.М. Маркова и В.А. Баранова, посвященные публикуемому памятнику, а также отлично составленные формо- и словоуказатели.

Отмечу, наконец, недавно вышедшую в свет монографию омской исследовательницы Т. П. Рогожниковой [Рогожникова 2003]. Автор развивает то направление в изучении истории русского литературного языка, которое можно назвать исторической стилистикой и которое связано в настоящее время прежде всего с именем

проф. В.В. Колесова. В монографии рассмотрены на материале житий XVI в. проблемы соотношения стиля и жанра, роль формирования и развития понятийного содержания слова в стилистической эволюции литературного языка, вопросы соотношения системы и нормы в древнерусском литературном языке и ряд других актуальных проблем, остающихся предметом напряженной полемики среди славистов.

Но языковеды-палеослависты нашего региона работают не только в собственно исследовательском ключе: в последние годы появляются и учебные пособия по предметам историко-лингвистического цикла, прежде всего по старославянскому языку. Остановлюсь на некоторых из них. Заметную активность в этой сфере проявляют авторы из Абакана, Новосибирска, Челябинска, Якутска.

Упомянутый уже Ю.Я. Бурмистрович организовал изучение исторической фонологии праславянской эпохи как самостоятельного учебного курса и подготовил ряд небольших учебных пособий и методических разработок. А недавно вышло в свет довольно объемистое учебное пособие его ученика А.С. Нилогова [Нилогов 2003]. Пособие примечательно уже тем, что автор его – еще студент. Молодой автор, исходя из концепции своего учителя, предпосылает своему сборнику обширный вводный раздел, в котором пишет о концептуальных основах дисциплины, а также о тестах как виде учебных упражнений и их типах, о структуре сборника и аппарате ориентировки в его материале. Затем следуют тесты, контрольные вопросы и наконец ответы для самопроверки. В библиографии указаны не только печатные источники, но и интернет-ресурсы.

Достоинства и недостатки тестов известны: тесты позволяют эффективно и оперативно организовать самопроверку и проверку фактографических знаний. Это немаловажно, однако абсолютизировать данный вид работы нельзя: умение студента мыслить и владение речью обнаруживаются только в процессе непосредственного общения с преподавателем. Если помнить об этом, то нельзя не признать, что сборники подобного типа, конечно, нужны и полезны, и опыт Хакасского университета, несомненно, заслуживает внимания.

Выходили в последние годы и более или менее традиционные учебники и учебные пособия уральских и сибирских авторов по дисциплине, традиционно называемой «Старославянский язык». Это книги под тем же самым названием, подготовленные специалистами из Якутска – Н.Г. Самсоновым и Л.Н. Самсоновой, из Челябинска – Г.А. Турбиным и С.Г. Шулежковой и новосибирским проф. К.А. Тимофеевым.

Учебные пособия Н.Г. Самсонова и его соавторов ценны прежде всего тем, что в них освещается тот раздел курса старославянского языка, который традиционно не удостоивается внимания у авторов

учебников по этой дисциплине – раздел лексики и фразеологии [Самсонов, Самсонова 1995]. Замечу, что из учебников советского времени небольшой раздел лексики имелся только в книге В.Ф. Кривчик и Н.С. Можейко, вышедшей в 1970-х годах в Минске. Опубликовали якутские авторы и отдельное пособие по «непопулярным» разделам важнейшего историко-лингвистического курса [Самсонов, Самсонова 2001]. Пособие помимо кратких теоретических сведений содержит значительный фактический материал, снабжено большим количеством таблиц, включает и тексты из старославянских памятников.

Недостатком пособий якутских авторов представляется слабое внимание к семантической деривации. Не всегда разграничены случаи, когда то или иное выражение было фразеологизмом уже в старославянском языке, и случаи, когда оно стало таковым позднее. При всем том пособия представляются весьма полезными и заслуживают более солидного издания.

Полезен и содержателен сборник текстов и заданий для практических занятий по старославянскому языку, подготовленный в соавторстве В.Д. Бондалетовым, Н.Г. Самсоновым и Л.Н. Самсоновой [Старославянский язык 2000]. Кстати, и этот сборник содержит упражнения не только по фонетике и грамматике, но и по лексике, словообразованию и фразеологии. Эти упражнения значительно более богаты материалом и более разнообразны, чем, например, в лексическом разделе известного и до сих пор широко используемого сборника А.А. Дементьева.

Учебник Г.Н. Турбина и С.Г. Шулежковой [Турбин, Шулежкова 2002] представляет собой традиционное, но в общем достаточно квалифицированное изложение вопросов фонетики, морфологии и синтаксиса в том объеме, в каком они обычно рассматриваются в данном курсе. Достоинством учебника является, в частности, то, что показана несформированность числительного как части речи в старославянском: счетные слова рассматриваются как слова других частей речи (прилагательные, существительные). В разделе «Глагол» аорист, имперфект, плюсквамперфект и перфект справедливо характеризуются в качестве прошедших времен, а не «форм прошедшего времени», как это нередко бывает в практике преподавания старославянского языка. Формы времени – это лица и числа, а аорист, имперфект и т. д. – это именно времена. Их квалификация в качестве «форм прошедшего времени» есть не что иное, как модернизация, проявление современного языкового сознания носителей русского языка, знающего только одно прошедшее время. Различение таких вещей – важный элемент общетеоретической подготовки студента-филолога.

Вместе с тем учебник не свободен от ошибок. На с. 20 в качестве буквы, исчезнувшей в русской кириллице XII – XIII веков вместо

юса большого по ошибке назван юс малый. Неверно, что кириллический знак Ю происходит из *ioy* (с. 21): такого начертания памятники не знают, зато встречается перевернутое начертание *oi*, позволяющее возвести этот знак к греческому *oi*. Целый ряд мелких, но досадных неточностей допущен в изложении графической реформы Петра I. Но особенно досадно наличие таблиц вроде приведенной на стр. 138, где происхождение формы сравнительной степени представлено так: *хo-уд* + **jes* + *j* + *s*. Во-первых, здесь допущена фактическая ошибка: не может быть *j* между согласными, так как *j* восходит к неслоговому *i*, а неслоговой *i* становился только рядом с гласным. В сравнительной степени прилагательных и в действительных причастиях *j* – это распространитель тематического суффикса *jo* или *ja*: →*ji*: там, где этот суффикс присоединяется к основе, то есть во всех формах, кроме именительного падежа мужского рода. (Та же ошибка повторена и в таблице образования причастий на с. 174.) Во-вторых, таблица на с. 138 содержит грубую ошибку методического характера: к старославянской форме авторы «присоединяют» праславянские форманты. В результате у студента создается полнейшая путаница разновременных языковых явлений. Один мой коллега справедливо назвал такое преподнесение материала «кашеобразным».

Впрочем, при всех этих огорчительных, но все-таки частных промахах книга челябинских авторов несравненно выше по уровню, чем недавно изданное в Москве пособие К.А. Войловой [2003]: это последнее вообще нельзя рекомендовать студентам, так много в нем элементарных, грубейших ошибок.

На высоком методическом уровне написан учебник К.А. Тимофеева. Особенно ценный материал представлен здесь по ранней эпохе праславянского языка. Сопоставления славянских фактов с фактами из санскрита, древнегреческого, латыни и других древних языков дают возможность студенту представить методы реконструкции славянских праформ и осознать, «откуда что взялось» в старославянском и других славянских языках. Гораздо более стройной, чем в учебнике Г.А. Турбина и С.Г. Шулежковой, выглядит глава, посвященная сравнительно-историческому комментарию к звуковой системе старославянского языка: в отличие от названного пособия, в книге К.А. Тимофеева история фонетических изменений излагается в хронологической последовательности, выделяются ранние и поздние процессы. Для воспитания исторического подхода к языку это очень важно.

Жаль, что пособие содержит далеко не все разделы курса. Досадно и наличие опечаток. К сожалению, опечатки – бич многих современных изданий (вплоть до академических), но в книгах учебного характера это, конечно, особенно нежелательное явление.

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что языковеды урало-сибирского ареала, занимающиеся историей славянских языков, достаточно высоко держат планку как собственно исследовательских, так и учебных трудов и имеют целый ряд значительных достижений в той и другой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.

Бурмистрович Ю.Я. Предыстория и история фонематической системы русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2001.

Бурмистрович Ю.Я. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями «предок – потомок», от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Абакан, 2001.

Войлова К.А. Старославянский язык. М., 2003.

Нилогов А.С. Система тестовых заданий по дисциплине «Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями «предок – потомок», от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Абакан, 2003.

Новгородская служебная минея на май: XI век: (Путятина минея): Текст. Исследования. Указатели. Ижевск, 2003.

Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII веков». Новосибирск, 1991.

Рогожникова Т. П. Жития «Макариевского цикла»: Жанр. Стилль. Язык. СПб., 2003.

Самсонов Н.Г., Самсонова Л.Н. Старославянский язык. Якутск, 1995.

Самсонов Н.Г., Самсонова Л.Н. Старославянский язык: Наречие. Служебные слова. Междометия. Лексика. Словообразование. Якутск, 2001.

Старославянский язык: Сборник упражнений. М., 2000.

Тимофеев К.А. Старославянский язык. Новосибирск, 2003.

Турбин Г.Н., Шулежкова С.Г. Старославянский язык. М., 2002.

Шелепова Л.И. Диалекты и этимология (Источниковедческий аспект). Барнаул, 1994.

• •